

Галина Космолинская

Институт всеобщей истории
Российской академии наук (Москва)
Центр по изучению XVIII века
119334 Москва
Ленинский проспект, г. 32А

«С италийской на российскую землю пресаженный...»: *Вертоградец света**

Статья посвящена популярному на протяжении всего XVIII столетия *Вертограду света* – памятнику русской письменности, переведенному с итальянского языка без указания оригинала в начале 1730-х годов Петром Сафроновым. Как удалось установить, это перевод сочинения *Idea del Giardino del Mondo* врача и писателя из Равенны Томаззо Томаи (1-е издание 1582).

Ключевые слова: *Вертоград света*, рукопись, XVIII век, перевод, итальянский оригинал.

‘From Italian to Russian Soil Transplanted...’: *Vertogradets Sveta* and Its Italian Source

The paper focuses on an unpublished manuscript known as *Vertogradets Sveta*, a translation from Italian carried out in the early 1730s by Pyotr Safonov. The translation was extremely popular throughout the 18th century. However, the name of the Italian author has not been known to the Russian readers. It is only now that the source of the text has been identified.

Keywords: *Vertogradets Sveta*, manuscript, 18th century, translation, Italian original.

Изучение проблем взаимодействия и взаимовлияния культур остается, пожалуй, одним из наиболее плодотворных направлений гуманитарного знания. Следить за бесконечным преобразованием литературной формы в новом культурном контексте, за усвоением и дальнейшим развитием идей, цивилизационных достижений и просто повседневных практик – занятие, не только само по себе увлекательное, но дающее жизнеутверждающий стимул:

---

* Статья подготовлена в рамках совместного проекта РГНФ и Национального центра научных исследований Франции № 14-21-17001 «Россия и Западная Европа: пространство европейской культуры (с начала XVIII века до конца 1920-х годов)».

культура, не имея четко очерченных, непроницаемых границ, оставляет человечеству шанс жить вместе. Яркие, остроумные и всегда логически выверенные исследования Элизы Малэк служат, в конечном счете, еще одним доказательством единства мира во всем его разнообразии. Мое подношение уважаемому коллеге и другу представляет лишь первые наблюдения и результаты исследования, но оно о том же.

Вертоградец света возник в послепетровскую эпоху на волне необычайной популярности так называемых книг-садов или вертоградов, история которых на русской почве начинается еще в XVI веке¹. На протяжении последующих XVII и XVIII столетий в русской письменности появляются как вертограды «душевные», нравственно врачующие душу (*Вертоград многоцветный*), так и собственно медицинские (*Прохладный Вертоград*), которые, взаимно дополняя друг друга, воссоздавали доступными средствами более или менее целостную картину мира и человека в нем. В России, как и везде, с началом XVIII века заметно возрастает интерес к познанию живой природы; он мог удовлетворяться по-разному, например – через воспроизведение в рисунках анатомических препаратов и гербариев кунсткамеры («натуралий»)² и, разумеется, более традиционно – через книгу. Возникшая в это время естественная потребность во всеохватывающем типе книги – энциклопедии – отчасти объясняет феномен устойчивой, на протяжении всего столетия, популярности *Вертоградца света*, который также можно отнести к этому жанру.

Литература о вертоградах, как и близких им травниках и лечебниках, богата серьезными исследованиями и публикациями текстов³. Сегодня хорошо изучена символика этого популярного жанра, его особенности (вертограды литературные, душевные, нравоучительные, медицинские)⁴. Однако

¹ В 1534 г. по заказу митрополита Московского Даниила была переведена одна из популярнейших книг европейского средневековья *Hortus Sanitatis* (*Сад здоровья*), названная переводчиком Николаем Булевым, уроженцем города Любека, *Благопрохладный вертоград* (в научной традиции известная как *Травник Николая Любчанина*).

² См.: И. В. Портнова, *Анималистическое искусство в России XVIII – первой половины XX вв.*, Москва 2013, с. 30.

³ См., например: В. М. Флоринский, *Простонародные травники и лечебники*, Казань 1880 (первая публикация *Прохладного вертограда* по рукописи РГБ: Музейн. 8606); *Книга глаголемая «Прохладный вертоград»*, сост., предисл., вступ. ст., переводы, коммент. Т.А. Исаченко, Москва 1997; Simeon Polockij, *Vertograd mnogocvetnyj*, ed. by A. Hippisley and L. I. Sazonova, vol. 1–3, Köln – Weimar – Wien 1966–2000; *Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого*, ТОДРЛ, т. LI, Санкт-Петербург 2001.; *Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков*, отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов, Москва 2002; W. F. Ryan, *The Bathhouse at Midnight: Magic in Russia*, Pennsylvania State University Press, 1999 (русский перевод: Москва: НЛЮ, 2006); А. Б. Ипполитова, *Русские травники XVII–XVIII веков: Исследования фольклора и этнобиотики*, Москва 2008 (см. здесь солидную библиографию).

⁴ Л. И. Сазонова, *Литературная культура России. Раннее Новое время*, Москва 2006, с. 357 и др.

Вертоградец света до сих пор еще не стал предметом специального изучения. По наблюдениям Л. И. Сазоновой, данный текст на русской почве представляет собой некий синтез вертограда душевного и медицинского: «изложение сведений из медицины, зоологии, метеорологии, петрографии сочетается здесь с наукой “полировки нравов”»⁵; его возникновение исследовательница справедливо связывает с ростом интереса к энциклопедиям и относит к первой четверти XVIII века.

Действительно, *Вертоградец света* дошел до нас во множестве списков XVIII века⁶. По предварительным наблюдениям, самые ранние из них датируются началом 1730-х годов⁷. В некоторые списки, помимо собственно *Вертоградца*, включены дополнительные статьи родственной тематики. Так, основному тексту рукописи Тихонрав. 82 предшествует статья *Возраст человеческий*, а в конце добавлены выписки из *Феатрона исторического*, «Примечаний к ведомостям за 1728 и 1729 годы» и переводы с «французского из зрителя»; рукопись Востр. 1058 имеет включение в виде нравоучительных рассуждений без указания источника. Не все списки называют имя переводчика, подписавшего предисловие: «Петр Софонов» (Забелин. 44) или «П. Петр. Сафонов» (Тихонрав. 82; Вяз. Q32).

Петра Сафонова (Софонова), переводчика с итальянского встречаем в 1708 и 1709 годах при посольстве П. А. Толстого в Стамбуле, где он числится в списке лиц, которым за эти годы полагалось жалование – 100 рублей в год⁸. Через 16 лет в Коллегии иностранных дел он будет переводить итальянский журнал посланника в Персию и Бухару (1718–1725) Флорио Беневени⁹; по мнению специалистов, его перевод «можно считать одним из образцов русского делового языка петровского времени»¹⁰.

В своем предисловии к *Вертоградицу света* Сафонов пишет, что он «по случаю не без охоты прочитав итальянскую книжицу, рассудил также сообщить [ее содержание] народу нашему, ныне ко всяким добрым вещам

⁵ Там же.

⁶ Мною были просмотрены *de visu* рукописи РНБ (Собрание Вяземского Q 32 и Q 116), РГБ (Собрания Великоустюжское 11, Тихонравова 82, Овчинникова 462) и ГИМ (Собрания Вострякова 1058; Забелина 44; Соколова 22; Уварова 1154). Далее указываются только названия собраний в сокращенной форме.

⁷ Востр. 1058; Великоустюж. 11; Овчин. 462. Упоминается также о списке 1732 г. – см.: И. Ф. Голубев, *Собрание рукописных книг г. Калинина*, ТОДРЛ, т. XI, Москва – Ленинград 1955, с. 450, № 140 (современное хранение: Гос. архив Тверской области. Рукописная коллекция № 804).

⁸ См.: *Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах*, подготовка текста, вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова, Москва 1986, с. 13.

⁹ Опубл.: *Перевод с журнала итальянского, какой в государственную Иностранных дел коллегию подал Флорио Беневени*, там же, с. 90–117.

¹⁰ Там же, с. 31.

воистину любопытному»¹¹. За расхожим клише слышится здоровый коммерческий расчет, основанный на растущей в обществе потребности в «полезном», практическом знании. Витиеватое название предлагаемого им перевода в метафорической форме отражает его содержание:

Вертоградец света / в котором кроме неких секретов / от природы / где еще суть / разные и сладкие фрукты всякого / рода к желающим приуготовленный. С италийской на российскую землю / пресаженный. / В начале же сего фигура зачатия человеческого небесными знаками изобразуется (Вяз. Q 32)¹².

Поскольку имя автора «италианской книжицы» в русском переводе нигде не названо, особо значимыми для нас оказываются слова-подсказки в названии, способствующие разысканию оригинала. Помимо разного рода *садов* (*giardino*, *giardinetto*, *orto*, *hortus*, *hortulus*), обилие которых в европейской литературной традиции делает поиск весьма затруднительным, ближе всего к искомому образцу оказалось упоминание об «удивительных секретах от природы».

Так называемые *книги секретов* (*i libri di secreti*) – чрезвычайно популярный жанр литературы естественнонаучного характера, возникший в Италии и получивший к середине XVI века широкую европейскую известность и распространение на протяжении дальнейших двух столетий¹³. Сборники *секретов* содержали сведения из разных областей тесно переплетавшихся между собой научных и псевдонаучных знаний: астрономии, астрологии, геологии, метеорологии, географии, петрографии, физики, медицины, магии, физиогномики, фармакологии, зоологии и т. д.¹⁴. Знания подавались читателю в форме рецептов на многие случаи жизни, обычно совершенно неупорядоченно. Они могли касаться деторождения, косметики, кухни, диеты, сельского хозяйства, домоведения и даже развлечений, но чаще всего – здоровья человека, способов его сохранять или лечить. Популярность этой позднеренессансной продукции придавала ее относительная дешевизна, которая достигалась за счет небольшого формата и невысокого полиграфического качества. Кроме того *книги секретов* писались народным языком (*lingva volgare*),

¹¹ Вяз. Q 32, л. 4а об.

¹² В других просмотренных мною списках *Вертоградца* встречаются незначительные разночтения в названии, при этом ни в одном из них не оказалось «фигуры зачатия человеческого небесными знаками», которая якобы должна быть «в начале», как это анонсировано.

¹³ См.: J. K. Ferguson, *Bibliographical Notes on Histories of Inventions and Books of Secrets*, London: Holland Press, 1959.

¹⁴ Ср.: «В контексте идей XVI в. сложно отделить одну научную дисциплину от любой другой. Нет четкой грани между комплексом научных дисциплин, с одной стороны, и умозрительными магико-астрологическими рассуждениями – с другой. Магия и медицина, алхимия и естественные науки и даже астрология и астрономия взаимодействуют в тесном симбиозе» – Дж. Реале, Д. Антисери, *Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта*, Санкт-Петербург 1996, с. 161.

следовательно предназначались довольно широкой публике из числа тех, кто умел читать¹⁵. Важно и то, что серьезные жизненные вопросы излагались в этих сборниках легко и очевидно приемлемо для многих, в то время как «предыдущая медицинская литература писалась исключительно на латыни, опираясь на теоретические основания, далекие от повседневной практики, т. е. была непроницаема для ума непосвященного»¹⁶.

Считается, что одним из первых сборников *секретов*, с которого начался издательский успех этого жанра, были *секреты* достопочтенного Алесслио из Пьемонта (1555)¹⁷, чья фигура все еще мало известна историкам¹⁸. Книга Алесслио, разошедшаяся десятками переизданий, станет на долгое время моделью для этого жанра, наряду с *лечебными секретами* (1561) болонского врача Леонардо Фиораванти¹⁹, известного даже в России²⁰, и с появившимися в том же году *секретами* Изабеллы Кортезе²¹. Как бы в поддержку этих первых импульсов были переизданы на итальянском языке рецепты, собранные в 4-х книгах *Magiae Naturalis* (1558) знаменитым неаполитанским эрудитом, натуралистом и философом Джованни Баттиста делла Порты²², чье имя образованным русским читателям также было знакомо²³. Кстати, оно встречается и в предисловии к *Вертоградцу света*, где П. Сафонов рекомендует читать труды по натуральной магии, в частности – «Иоанна Порты»²⁴.

¹⁵ См.: M. Angelini, *Rimedi di cura, preghiere di guarigione*, [в:] *Contributo al convegno dell'Associazione Internazionale per la Storia del Pensiero Esoterico e Simbolico (AISPE)* «Secretum secretorum. I libri di segreti all'alba della scienza moderna», Genova, Facolta di Lettere e Filosofia, 30 maggio 2011.

¹⁶ Там же.

¹⁷ De' secreti del reverendo donno Alessio Piemontese. Venezia: Sigismondo Bordogna, 1555.

¹⁸ M. Angelini, *Rimedi di cura...*, с. 2.

¹⁹ *Capricci medicinali di m. Leonardo Fiorauanti...* Venetia: Lodouico Auanzo, 1561. См. также: W. Eamon, *The Professor of Secrets: mystery, medicine and alchemy in Renaissance Italy*, Washington: National Geographic, 2010.

²⁰ В Санкт-Петербурге в середине 1720-х годов книгу Фиораванти *Dello Specchio de scienza universale* (1564) с латинского языка перевел Петр Медведев; рукопись перевода под названием *Книга Зерцало наук мира сего...* храниться в РГБ (Ф. 37 № 129).

²¹ *Secreti de la Signora Isabella Cortese, ne' quali si contengono cose mirali, medicinali, arteficiose, & Alchimiche, & molte de l'arte profumatoria, appartenenti a ogni gran signora*, Venezia: Giovanni Bariletto, 1561.

²² Giovanni Battista Della Porta, *Magiae Naturalis, sive de miraculis rerum naturalium libri IV*, Napoli: Mattia Cancer, 1558; итальянский перевод: *De i miracoli et marauigliosi effetti dalla natura prodotti. Libri 4, di Giouanbattista Porta Napolitano, nouamente tradotti di latino in lingua uolgare...*, Venetia: Lodouico Auanzi, 1560. До сих пор не существует современного критического издания этого важнейшего труда; см. о нем: L. Balbiani, *La Magia Naturalis di Giovan Battista della Porta. Lingua, cultura e scienza in Europa all'inizio dell'età moderna*, Bern 2001.

²³ Эта книга числится в каталоге библиотеки Матвеева, сподвижника Петра I – см.: *Библиотека А. А. Матвеева (1666–1728). Каталог, составитель И. М. Полонская и др.*, Москва 1986, № 694. О русских переводах *Magiae Naturalis* нам не известно.

²⁴ Вяз. Q 32, л. 4а об.

Другая линия развития европейской литературы естественнонаучного характера представлена так называемыми сборниками *сокровищ* (i tesori), которые в Италии существовали параллельно с *секретами*, тесно соприкасаясь с ними тематически, и были столь же популярны. Два этих очень близких литературных жанра, часто пересекаясь не только в содержании, но даже в названиях, имеют свои особенности, которые помогают их различать. Не вдаваясь в подробности, поясним, что *сокровища* восходят к учениям Парацельса, Ганнеманна, Гуфланда (Hufeland), которые, благодаря Салернской врачебной школе, стали частью истории медицины, дойдя до наших дней. *Секреты* относятся к традиции, представленной трудами Плиния Старшего, Авиценны, Альберта Великого, Раймондо Люллия и др.; их развитие, напротив, к середине XIX века заканчивается²⁵.

Именно среди сборников *секретов* мне удалось обнаружить итальянский оригинал *Вертоградца света*. Им оказалось сочинение под названием *Idea del Giardino del Mondo* (*Вертоград мира*), принадлежавшее врачу и писателю из Равенны Томмазо Томаи (Tommaso Tomai / Thomai, ум. 1593).

Род Томаи славился учеными и медиками²⁶. Сам Томмазо писал не только о причине чудесных явлений природы²⁷ или мерах предохранения от чумы²⁸, но был достаточно известен как автор истории Равенны²⁹. Его имя, разумеется, стоит на титульном листе во всех изданиях *Idea del Giardino del Mondo*, несмотря на это в русском переводе оно нигде не названо. Причина, по всей видимости, в том, что П. Сафонов счел книгу компиляцией. В своем предисловии, по традиции прося снисхождения к своему труду, он поясняет: «ибо следующее не моего слабого разума, но неких знатных авторов есть изложение»³⁰. К такому выводу его могли подтолкнуть слова самого Томмазо, который не скрывал, что

²⁵ Основополагающим исследованием на эту тему остается: W. Eamon, *Science and the Secrets of Nature: Books of Secrets in Medieval and Early Modern Culture*, Princeton University Press, 1994; см. также: M. Rizzardini, *Secretum. Alchimia, medicina e politica del corpo*, Milano: Bevivino editore, 2010.

²⁶ В тексте *Idea del Giardino del Mondo*, по крайней мере, дважды встречаются имена других представителей этого рода: известного врача, автора сочинений по медицине Камилло Томаи (м. 1549) и Пьетро Томаи (Pietro da Ravenna, ca 1448–1508), юриста, профессора Падуанского университета, автора первой книги по мнемонике – *Phoenix, sive artificiosa memoria* (Venezia, 1491), – за что был назван «Maestro della memoria». Сведения об этой книге как достойные особого внимания включены в указатель «знатных вещей».

²⁷ *Dialogo meteorologico di Tommaso Tomai medico di Rauenna, nel quale breuemente, & con piaceuolezza si ragiona di molti marauigliosi effetti, dalla natura prodotti*, Ancona: Astolfo di Grandi Veronese, 1566.

²⁸ *Discorso del vero modo di preseruare gli huomini dalla peste. Di Thomaso Thomai medico di Rauenna*, Bologna: Gio. Rossi, 1577.

²⁹ *Historia di Rauenna di m. Tomaso Tomai diuisa in quattro parti. Nella quale oltre le cose notabili di questa republica; breuemente si trattano prencipalissime guerre di diuerse nationi. Rauenna: Francesco Tebaldini da Osimo. 1580.*

³⁰ Великоустюж. 11, л. 1 об.

«при чтении различных книг лишь отбирал понравившиеся сюжеты, чтобы из особенно любопытных и важных составить сборник на благо просвещения». Отметим разницу культурных традиций: слишком прямо воспринятые русским переводчиком слова в глазах итальянской публики лишь подчеркивали ученость пишущего, отнюдь не отменяя его значимости как автора.

Впервые книжка под названием *Idea del Giardino del Mondo* была напечатана в Болонье в 1582 г.³¹ и до конца XVIII века выходила еще более тридцати раз³². В XVII веке появились ее французский (1612)³³ и немецкий (1620)³⁴ переводы, также переиздававшиеся. На базе российских библиотек конкретное итальянское издание, которым пользовался Сафонов, установить пока не представляется возможным. Предварительная сверка текста проводилась по экземпляру венецианского издания 1611 года из Баварской государственной библиотеки (Bayerische Staatsbibliothek)³⁵. Прежде всего, интересно было проследить, какие именно составляющие части издания были переведены, а что оставлено без внимания; в дальнейшем предстоит выяснить, насколько внятными для русского переводчика и переписчиков рукописи оказались западноевропейские культурные реалии: имена, топонимы, реальные события и мифы, научные достижения, публикации и проч.

В целом перевод Сафонова можно считать довольно полным: переведены все 52 главы³⁶, а также подробное оглавление и указатель наиболее достойных внимания предметов в алфавитном порядке³⁷. Помещенные

---

³¹ *Idea del Giardino del Mondo di M. Thomaso Thomai da Rauenna... Oue, oltre molti secreti marauigliosi di natura, sono posti varij, & soauissimi frutti curiosissimi, secondo la diuersità del gusto de gli huomini...* Bologna: Gio. Rossi, 1582.

³² Сочинение Томмазо Томаи продолжали издавать и в XIX веке.

³³ *Ideé du jardin du mond de Thomas Thomasey, medicin de Rovenne, traduit d'Italien en français par M. Nicolas Le Moulinet, avocat au Parlement de Rouen*, Paris: Jean de Bordeaulx, 1612.

³⁴ *Hortulus Mundi, Das ist Ein sehr schönes und nutzliches Welt-Gärtlein: in welchem beneben vielen Secreten unnd Geheymnissen der Natur ein ziemliche Anzahl außerlesener Frücht und Gewächs sampt den vier Elementen. Und endtlich auch die Umbkreyß deß Firmaments oder Himmels und aller Planeten Stell und Lauff verzeichnet sind Erstlichen von M. Thoma Thomai einem fürtrefflichen Naturkündiger und Academico von Ravenna in Italianischer Sprach beschrieben. Nun mehr aber: in unsere Hochteutsche Sprach versetzt; Idea del Giardino del mondo*, Franckfurt am Mayn: Iennis, 1620.

³⁵ *Idea del Giardino del Mondo. Di Tomaso Tomai da Ravenna, fisico, & Academico innominato. Oue, oltre molti secreti marauigliosi di natura, sono posti varij, e soauissimi frutti curiosissimi, secondo la diuersità del gusto de gli huomini. Con due Tavole, una d'Capitoli, e l'altra delle cose più notabili che si contiene nell'Opera. Novamente ristampata e somma diligenza riciretta...*, Venetia: Domenico Imberti, 1611 – электронная версия:

http://books.google.ru/books?id=KXA5AAAaAAJ&pg=PA4&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false

³⁶ Существуют издания, в которых только 50 глав, например: Bassano Del Grappa: Gio. Antonio Remondini, 1730.

³⁷ «Tavola delle cose piu' notabili» – «Показания вещей знатных в вертоградце сем содержащихся».

в начале итальянского издания эти вспомогательные материалы составляли неотъемлемую и очевидно важную его часть, поскольку их наличие анонсировалось на титульном листе. Отметим, что русскому переводчику пришлось изрядно потрудиться при замене латинского алфавита на кириллический – фактически он заново создавал справочный аппарат к тексту. В конце упомянутого издания *Idea del Giardino del Mondo* имелся перечень авторов, упоминающихся в книге или использованных Томмазо Томаи при ее написании³⁸. В него, наряду с известными античными авторами, были включены и менее знакомые русскому читателю имена, например, региональных итальянских теоретиков и практиков медицины. В просмотренных мною рукописях *Вертоградца* этот указатель не встречается.

Итальянские издания XVII века, в том числе венецианское 1611 года, сопровождают два стихотворных посвящения «автору *Giardino del Mondo*»³⁹, которые в *Вертограде света* также отсутствуют. Как отсутствует предисловие самого Томмазо Томаи «A' Lettori», что логично, поскольку Сафонов представлял читателям книгу как анонимную. Очевидно, желая приблизить свой перевод к русскому потребителю, он снабдил его собственным обращением к «Благоуветливому, доброму и учтивому читателю», в котором, впрочем, просматривается итальянский образец. В то же время, помимо традиционных для этого жанра изложения побудительных причин перевода и общих рассуждений о пользе знаний, в предисловии Сафонова содержатся любопытные рекомендации особо любознательному читателю на случай, если тот «неудовольствован быть возмнится и болше любопытных вещей тогожде рода пожелает»: тогда ему следует читать «о подобной материи других издания, яко Мызалдовы центурии, Иоанна Порты и протчий Магии натуралныя, Шкотовы и Кирхеровы книги»⁴⁰. Отсутствие, по крайней мере, двух имен в перечне венецианского издания 1611 года (в экземпляре Bayerische Staatsbibliothek не достаёт страниц между буквами G и R) позволяет сделать осторожное предположение: возможно, данные рекомендации могли исходить от самого переводчика, отражая степень его эрудированности.

Интересно, что мог воспринять из такой «библиографии» любознательный, но, следует признать, не всегда высоко образованный русский читатель, потребитель рукописной продукции? Тем более, где и каким образом мог он воспользоваться данными рекомендациями?

³⁸ «Avvtori, de' quali il Compositore si è seruito nelle presente Opera».

³⁹ Первое принадлежит писателю, историку и поэту Антонио Беффа Негрини (Antonio Beffa Negrini, 1532–1602). Второе – Сонет – Луиджи Гротто (Luigi Grotto, 1541–1585), слепому оратору, поэту, лютнисту, драматургу и актеру, переводчику октавами 1-й песни *Илиады*. Издания XVI в. отличаются по составу, прежде всего, меньшим количеством глав, а кроме того, по крайней мере, прижизненные издания, имеют посвящение исключительно миланскому патрицию, военному и меценату Пирро I Висконти Борромео, графу Бреббиа (1560–1604).

⁴⁰ Вяз. Q 32, л. 4а об. Знаки препинания введены мной – Г.К.

Помимо упоминавшейся выше *Magiae naturalis* неаполитанского ученого Джамбаттиста делла Порта⁴¹, здесь названы *Мыздаловы центурии*. Без сомнения имеется в виду неоднократно переиздававшееся сочинение парижского профессора медицины и астролога Антуана Мизо (Mizauld, Antoine, 1510/1512–1578), состоящее из 900 афоризмов, затрагивающих жизненно важные вопросы, и Приложения (Appendix) с рецептами для лечения всевозможных заболеваний, собранными из разных авторов⁴². Не известно, было ли это чрезвычайно популярное в Европе сочинение переведено в России, но его западноевропейские издания встречаются в русских частных собраниях и, более того, были востребованы в качестве практического руководства по медицине даже в XIX веке⁴³.

Далее Сафонов как само собой разумеющееся советует читать «Шкотовы и Кирхеровы книги», не считая нужным даже уточнять их названия. Однако, если под «Кирхеровыми книгами», вероятней всего, подразумеваются труды немецкого физика, эрудита, изобретателя волшебного фонаря Атанасиуса Кирхера (Kircher, Athanasius, 1601/1602–1680), чье имя было известно в России⁴⁴, то со «Шкотовыми книгами» не все так однозначно. Можно было бы предположить, что речь идет о шотландском схоласте Михаэле Скоте (Скотт) (Scotus / Scottus Michael (ca 1175 – ca 1235), придворном астрологе императора Фридриха II Штауфена. Михаилу Скоту приписывалось не одно естественнонаучное сочинение, наиболее известное из них – *Liber Physiognomae* – было переведено на русский язык в XVII веке⁴⁵, другой

⁴¹ См. прим. 22, 23.

⁴² *Centuriae Memorabilium, Utilium, Ac Lucundorum in Aphorismos, Arcanorum omnis generis locupletes, perulcre digestae. Accessit His Appendix Nonnullorum Secretorum, Experimentorum, Antidotorum(uae) contra varios morbos. Seorsum Excusa, Harmonia Coelestium Corporum & humanorum, dialogis undecim Astronomice & Medice. Item Memorabilium aliquot naturae Arcanorum Sylvula variarum Sympathias & Antipathias*, Frankfurt: Nicolas Hoffmann, 1613. 1-е издание: Lutetiae, 1566; см. также: J. Dupèbe, *Médecine, astrologie et religion à Paris: Antoine Mizauld* (ca. 1512–1578). Thèse d'état, Paris-X Nanterre, 1999.

⁴³ Франкфуртское издание *Центурий* (1592) из собрания протоиерея, библиофила М. И. Кунинского (1796–1874), который, судя по пометам, активно прибегал к советам французского медика, ныне храниться в Псковском музее-заповеднике (см.: О. М. Кудрявцева, *М. И. Кунинский и западноевропейские издания XVI в. из его книжного собрания*, [в:] *Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове: материалы чтений 24 мая 2012 г. в Псковской областной универсальной научной библиотеке*, под ред. И. М. Андреева, Псков 2012, с. 51–52).

⁴⁴ Отрывки из книги А. Кирхера *Иллюстрированный Кумай (Athanasii Kircheri ... China monumentis: qua sacris quâ profanis nec non variis naturae [et] artis spectaculis aliarumque rerum memorabilium argumentis illustrate...* Amsterdam: Jacobum à Meurs, 1667) переводили при Посольском приказе в Москве (см.: А. Х. Рафиков, *Литература о странах Азии и Африки в частных книжных собраниях и в Библиотеке Академии наук в первой половине XVIII в.*, [в:] *Книга в России до середины XIX века*, Ленинград 1978, с. 222); это издание имелось в библиотеке Роберта Арескина, лейб-медика Петра I (там же, 229).

⁴⁵ О рукописи *Книга Михаила Скота о естествознании*, на три части разделяется, которая содержится вместе с двумя сочинениями Альберта Великого в списке последней трети

перевод опубликован в Москве в 1781 году⁴⁶. Но нельзя исключить и того, что «Шкот» это – ошибочно прочитанное или испорченное при переписывании «Schott»: труды ученика Кирхера, немецкого математика и физика Каспара Шотта, (Schott, Gaspar, 1608–1666), автора 4-томной *Magia universalis naturae et artis etc.* (1657–1759)⁴⁷ были не менее популярны; их также знали в России (в библиотеке петровского дипломата А.А. Матвеева, помимо *Натуральной магии* Джамбаттиста делла Порта, находились целых три сочинения К. Шотта⁴⁸). Кстати, Шотт, не только принимал участие в опытах своего учителя, но сам публиковал его труды. Может быть, неслучайно в тексте Сафонова эти два имени идут в одной связке?

Разумеется, было бы большим преувеличением сказать, что в петровской России перечисленные имена были «на слуху». Тем не менее, П. Сафонов все-таки считал возможным, обращаясь к своим современникам⁴⁹, упоминать их без дополнительных пояснений, и не учитывать этого нельзя. Если допустить хотя бы минимальное знакомство русского читателя с западноевропейской естественнонаучной литературой, наше представление о чтении в это время, может существенно расшириться.

С чем же знакомила эта позднеренессансная «италианская книжица» русского читателя XVIII века?

Содержание *Вертоградца света* очень разнообразно. Систематизировать калейдоскоп сведений (полезных, любопытных и забавных одновременно) из различных областей знания почти невозможно. Анализ предметного указателя с точки зрения частоты упоминаний «вещей знатных в вертоградце

XVIII в. из Румянцевского музея № 29550, сообщал еще Л. Ф. Змеев (Л. Ф. Змеев, *Русские учебники: Исследование в области нашей древней учебной письменности*, Санкт-Петербург 1895, с. 250), современное хранение: РГБ. Ф. 313 (Собр. А. К. Федорова), № 38.

⁴⁶ *Новый способ, как узнавать можно каждого человека свойства по его сложениям* (Москва: [Сенатская тип.], 1781). М. Скоту приписывалось и другое естественнонаучное сочинение – *De secretis naturae sive de procreatione et hominis physionomia*, которое издавалось впоследствии вместе с сочинением Альберта Великого *De secretis mulierum*.

⁴⁷ На немецком языке издания – Bamberg, 1671; Francofurt, 1677.

⁴⁸ *Библиотека А. А. Матвеева...*, № 749–751.

⁴⁹ Владельцами рукописных книг, в том числе *Прохладного вертограда*, «как показываюют пометы на рукописях, были купцы, ремесленники, духовенство и крестьяне» (В. Ф. Груздев, *Рукописные учебники в собрании Пушкинского Дома*, ТОДРЛ, т. 29: *Вопросы истории русской средневековой литературы. Памяти В. П. Адриановой-Перетц*, Ленинград 1974, с. 344–345). По наблюдению А. Б. Ипполитовой, среди владельцев рукописных травников, близких по типу вертоградцам, были купцы, мещане, крестьяне, лица духовного звания и даже иногда дворяне (А. Б. Ипполитова, *Русские травники...*, с. 76–79). Действительно, на форзаце *Вертоградца света* (Овчин. 462) имеется запись: «Книга подлежащая к дому действительного статского советника Анисима Семеновича Маслава [так] подписана генваря 28 дня 1736 году», и другая: «Ивана Маслова книга генерал<нрзб.>» (л. 92 об.); в других списках встречаются записи в основном купцов.

сем содержащихся» позволяет выделить темы и сюжеты, которые, по-видимому, для русского читателя долго оставались актуальными.

Лидируют в этом рейтинге стихийные бедствия и экстраординарные явления (землетрясения, извержения вулканов, грозы и т. д.), представлявшие серьезную опасность для жизни человека. Попытки объяснить их природу («Громовая стрела и молния как рождается», «Земное трясение, что есть» и т. д.) подкреплялись историческими примерами («Гроб ликургов разрушен громовою стрелою», «Марция шляхтинка римская заражена громовою стрелою», «Тиверий кесарь, что делал, дабы ему не вредила стрела громовая», «Земное трясение ужасное в Ферраре»⁵⁰ и т. п.) и сопровождалось практическими советами, как вести себя в подобных обстоятельствах. В том же ряду необычных явлений природы находились различные «монстры» (6 упоминаний) вместе с летающими «рыбами индийскими» или, например, «свидетельствами» о «рождении единой змии от некоторой жены» или о том, как орел «обновляется и млад бывает» и проч. Наряду с полуправдоподобными сведениями преподносились откровенные сказки о демонах, «духах воздушных», nereидах («нереиды суть морские нимфы или серены»), «фениксе птице» и, конечно же, Антихристе. Заметное место в указателе занимают вопросы гендерного различия, деторождения, сексуальности в различных формах ее проявления (например, сюжеты о *транссексуализме*⁵¹).

Вместе с тем читатель, действительно, немало узнавал о характере различных, порой вовсе незнакомых ему, зверей, птиц, земноводных (например, о том, что «дельфин утешается и увеселяется музыкою»), о свойствах воды, камней, плодов, трав и проч. Научные сведения не противопоставлялись магии или алхимии, что было естественным в контексте идей XVI века, когда не было «четкой грани между комплексом научных дисциплин, с одной стороны, и умозрительными магико-астрологическими рассуждениями – с другой»; в это время «магия и медицина, алхимия и естественные науки и даже астрология и астрономия взаимодействуют в тесном симбиозе»⁵². Свидетельств критики такого смешения со стороны читателей *Вертоградца света* у нас нет, напротив, мы видим устойчивый интерес к данному источнику всевозможных знаний на протяжении более чем столетия.

Если все же оставить в стороне чудесное изобретение алхимика «Филлиппа Усталдия» (Fillippo Ustaldio) – «злато пиемое» (питьевое), способное воскрешать мертвых, – то очевидно, что большая часть книги Томмазо Томаи касалась самого человека во всех его проявлениях от рождения до

⁵⁰ «Земное трясение» в различных контекстах упоминается в предметном указателе не менее 9 раз, «громовая стрела» – 5 раз.

⁵¹ «Отраковица бывшая учинилась мушиною», «Невеста на первой ночи пред совокуплением с мужем учинилась мушиною», «Две сестры в мужеский пол превратившихся» и т. п.

⁵² Дж. Реале, Д. Антисери, *Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта*, Санкт-Петербург 1996, с. 161.

смерти, его анатомии, физиологии, психологии, физиогномики и, наконец, его болезней, с которыми он вынужден был как-то справляться. Насколько применимы были в российской действительности те или иные советы итальянца – как «зуб вырвать без щипцов и без болезни», как узнать, «жена для чего не рождает» или «как укрепить мозг и унять катар сиречь насморк» – вопрос к историкам медицины. Ясно одно, что извечные человеческие немощи и нужды лишь питали интерес к книге, которая среди прочего предлагала рецепты, как их преодолеть.

Энциклопедический охват тем и сюжетов не исчерпывает содержательной характеристики этого памятника. *Вертоградец света*, «пресаженный с италианской на российскую землю», попутно и ненавязчиво привносил с собой массу новых реалий, составлявших в то время культурный обиход большинства итальянцев – с их представлениями о жизни, расхожими литературными аллюзиями, античными и современными авторитетами в различных областях знания, наконец, с их повседневными практиками, обусловленными привычками, вкусами, этикетом, образованностью, суевериями и проч.

Пока мы можем лишь догадываться, насколько были применимы в русской действительности XVIII века знания, почерпнутые из *Вертоградца*, удавалось ли расширить их, следуя совету читать, например, «диалог кометов господина Гиrolама Сорбола»⁵³ или «Историю печатную о 300 рыбах»⁵⁴ или «Феникс книгу Петра Томаи»⁵⁵. Как бы то ни было, встреча двух моделей повседневности, происходившая в процессе чтения, давала русскому читателю возможность сравнивать и размышлять.

---

⁵³ Великоустюж. 11, л. 90 об.; имеется в виду издание: *Dialogo in materia delle comete, del sig. Girolamo Sorboli dottore di filosofia, & medicina*, Ferrara: V. Baldini, 1578.

⁵⁴ «Ипполит Салвиан издал на свет преславную книгу, в которой изрядным чином описует историю 300 рыб морских с фигурами на меди натурално вырезаными. И ежели кто желает ведать натуру рыб удивительных, тои да читатет оную иполитову историю и будет совершенно удоволствован» (Там же. Л. 141). Правда, специалисты утверждают, что в книге Сальвиано (Salviano, Hippolito, 1514–1572) *Aquatilium animalium historiae* (Roma, 1554) содержатся описания и изображения лишь 92 видов рыб Италии (Н. Г. Богущкая, *Петр Артеди и Карл Линней – отцы основатели системы рыб*, «Труды Зоологического института РАН. Приложение № 1, 2009, с. 88).

⁵⁵ В книге речь идет о памяти и способе ее сохранить; см. прим. 26.